

ФАКТОР ПОЛИЛИНГВИЗМА В ИСТОРИИ УКРАИНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Один из базовых постулатов диахронной социолингвистики о необходимости воссоздания реальной картины языковой действительности (см. [Fishman 1968]) все чаще находит свое применение и при изучении истории литературных языков. Для понимания сути культурно-языковых процессов, связанных с формированием современных литературных языков в условиях конкуренции нескольких культурно-письменных традиций и образцов, весьма продуктивным представляется предложенное В. П. Гудковым определение: «Литературный язык есть система (системы) (общепринятых речевых средств выражения (фиксации) социально-значимой информации (производственной, мировоззренческой, художественной и т. п.) с целью ее передачи в пространстве (между соотечественниками) и во времени (между представителями разных поколений)» [Гудков 1999: 83]. Сформулированная в результате анализа функционирования литературного языка у сербов в XVIII – начале XIX в., эта дефиниция позволяет рассматривать сложную реальность книжно-письменного языка во всем многообразии его проявлений, включая идиомы гибридного происхождения, использующие иноязычные элементы (например, так называемый «славяносербский» язык), а также иные (ненациональные) литературные языки. Опыт изучения украинской языковой ситуации в период, непосредственно предшествовавший формированию национального литературного языка на разговорной основе, дает новые примеры отмеченной В. П. Гудковым гетерогенности реализаций культурно-языкового явления, традиционно обозначаемого термином «литературный язык».

Начало формирования нового украинского литературного стандарта на разговорной основе традиционно датируют концом XVIII – первой половиной XIX в. ([Русанівський 2001]). Центром его складывания явилась территория Левобережной Украины, где была создана имевшая принципиальное значение для всего дальнейшего развития литературного языка нового типа поэма И. П. Котляревского «Энеида» (1798). Распространение модели литературного стандарта, базирующегося на живой разговорной (диалектной) речи, в других частях украинского культурно-языкового пространства произошло несколько позже. Так, в

изошло несколько позже. Так, в Галиции оно связано с публикацией в 1837 г. в Вене альманаха «Русалка Днестрова».

Однако литературная фиксация народной речи была лишь одним из возможных вариантов развития литературного языка на Украине, который еще в XVIII в. включал различные идиомы на базе церковнославянского языка с использованием элементов староукраинского книжного языка XVII в. и народной речи. Для таких форм книжно-письменного языка в украинской лингвистической традиции используются различные термины: «староукраїнська книжна мова» применительно к языку официальных документов ([Русанівський 2001: 138]), «слов'яноруська мова» для отдельных сочинений, в частности, богословского характера, например И. Некрашевича ([Русанівський 2001: 143]) и под. Чрезвычайная сложность разграничения названных форм книжно-письменного языка объясняется, помимо прочего, высокой вариативностью языковых элементов, в том числе в произведениях одного и того же автора (например, у упомянутого И. Некрашевича), и возможностью усиления церковнославянского или народного элемента в зависимости от стиля и жанра произведения. Представляется, однако, что в данном случае мы имеем дело с одним, а не с несколькими культурными идиомами: а именно, с литературно-книжным языком, развившимся на базе старой книжно-письменной, в том числе церковнославянской, традиции. Такой подход позволяет также включить в историю литературного языка на Украине гибридный идиом, часто рассматриваемый лингвистами как беспорядочная смесь церковнославянского, польского и собственно украинского (народного) языков – так называемое «язычие», получившее развитие благодаря книгоиздательской, законодательной и публицистической деятельности представителей «москвофильского движения» в Галиции в середине XIX – начале XX вв. Примеры языка того же типа, что и в отдельных произведениях И. Некрашевича, можно обнаружить также в изданных на Правобережье, в Почаеве сборниках преимущественно религиозного содержания «Народовещание» (1778) и «Богогласник» (1790).

Таким образом, развитие литературного языка на Украине в XVIII–XIX вв. предполагало множественность его реализаций как на базе старой письменной традиции, так и на основе народного языка. При этом на различных украинских территориях конкуренция названных культурно-языковых идиомов реализовывалась по-разному. Если на Левобережной Украине в начале XIX в. доминирующей формой литературного стандарта является язык, прибли-

женный к народной разговорной речи, то в Галиции конкуренция «язычия» и народного языка остается живым фактом культурно-языковой жизни в течение всего столетия. Это, в свою очередь, неизбежно влияло на особенности вхождения широко понимаемых славянизмов в культурный идиом, создаваемый на базе народно-разговорной речи.

Церковнославянская и – шире – книжная по своему происхождению лексика встречается как в произведениях левобережных украинских писателей, так и галицких деятелей культуры XIX в. Однако при этом отличными оказывались функции церковнославянизмов и ряда общеславянских слов, широко использовавшихся в староукраинских текстах, но позже замененных в новом литературном стандарте «народными» аналогами (речь идет о лексемах типа *муж* ср. укр. лит. *чоловік*, *жона* ср. укр. лит. *жінка*, *дружина* и под.). Так, для левобережных авторов и церковнославянский, и староукраинский книжный язык были почти исключительно источником средств архаизации или стилизации: создания возвышенной, торжественной атмосферы, как у Т. Шевченко: *древо*, *ізбави*, *благодать*, *помишленіє*, *благословеніє*, *миро добровонне* (примеры из [Русанівський 1998]), или юмористического эффекта, как часто у Г. Квитки-Основьяненко: *наученіє*, *покаяніє*, *злодіяніє*, *милосердіє* ([Русанівський 1998]); это касается, в частности, причастий и их субстантивированных форм типа *діючий*, *творючий*. Подобное употребление «славянизмов», в широком понимании этого термина, характерно и для последующей украинской литературы. Так, стилистически маркированные «книжные» аналоги собственно украинских лексем в поэзии начала XX в. – *плоть*, *перси*, *чресла*, *ратна вість*, *гость странний* (с отсутствием перехода *o* в *i*, ср. лит. *gість*), *спів блажен* (здесь показателем книжности является краткая форма прилагательного; примеры взяты из стихотворений М. Бажана) – выступают в той же функции, что и в современной украинской поэзии: *п'ядь*, *звізда*, *рушили тріє царі* (из поэзии Ю. Андруховича).

В то же время в украинском литературном стандарте, развивавшемся в Галиции на базе народной речи, церковнославянизмы и общеславянские по своему происхождению книжные элементы, широко употреблявшиеся в том числе в «язычии», не утрачивая до конца своей «высокой» стилистической окраски, стали одним из важных средств создания абстрактного слоя лексики. Более того, специфика развития книжно-письменного языка в Галиции в условиях конкуренции двух форм литературного языка создала предпо-

ссылки и для проникновения отдельных славянизмов в повседневную речь. Примеры «книжной» лексики находим, в частности, в «Словаре украинского языка», написанном одним из членов «Русской Троицы» (составители «Русалки Днестровой») Я. Головацким в середине XIX в.: *значущий, видиши, воскресеніе, зерцяло* ([Головацкий 1982]). Любопытно, что для большинства примеров в своем словаре Я. Головацкий подбирает иллюстрации из фольклорных и других устных источников, что свидетельствует о стирании у них «возвышенной» окраски: *видиши, бы'мь ся не сдрімала хоць бы й день білейкій* ([Головацкий 1982: 399]). Об активности функционирования славянизмов в живом разговорном языке данного региона свидетельствуют, в частности, приводимые им гибридные образования типа *ворождовати* (ср. *враждовать* и *ворог*), *гарность* (ср. *гарний*), *дозволенство* (ср. *дозволяти, дозвіл*). В современной речевой практике западноукраинских регионов в результате переосмысления лексем (случаи типа *Рождество* ср. лит. *Rizdo, vidіti* ср. лит. *бачити, звізда* ср. лит. *зірка*) они воспринимаются не как признак архаичности или возвышенного стиля, а как маркер региональной принадлежности, и именно в этой функции употребляются в литературных текстах.

Другим важным фактором развития украинского литературного стандарта нового типа было его вынужденное сосуществование в важнейших сферах коммуникации с литературными языками других народов. Ни в один из периодов своего развития украинское языковое пространство не совпадало с коммуникативным ([Zabgoski 1963]): на различных территориях и в разное время функционировали также русский, польский, ограниченно – немецкий, а позже также венгерский и словацкий языки. Изменения типа отношений языков и их статусных характеристик в связи с языковой политикой империй, в состав которых входили украинские земли, неизбежно оказывали влияние не только на общие контуры языковой ситуации, но и на сам процесс формирования украинского литературного стандарта.

Характерной чертой многоязычия на Украине в XIX в. являлся его массовый характер. Набор языков и их соотношение менялось в зависимости от социальной (дворянство / шляхта – чиновничество – крестьянство), этнической (поляки – украинцы – русские – евреи) и религиозной (православные – католики – униаты – иудеи) принадлежности говорящих, а также региона. Малороссийская элита на Левобережье оказывалась преимущественно двуязычной, демонстрируя тенденцию к смене основного языка (с украинского на

русский). В Галиции для представителей высших сословий был характерен польско-немецкий билингвизм в официальной сфере, дополняемый польско-украинским двуязычием в быту. С середины XIX в. – после требований партии «народовцев» о введении украинского языка («русской мовы») в сферу общественной и политической жизни – польско-украинский билингвизм также становится фактом «высокой» коммуникации. Специфической была культурно-языковая ситуация на Правобережной Украине. После разделов Речи Посполитой (1795) Правобережье оказалось не просто на стыке культурно-языковых ареалов, но пережило процесс смены культурной парадигмы. Долго находившееся в круге польской культуры, оно постепенно включается в административное, политическое, а затем и языковое пространство Российской империи. В течение всей первой половины XIX в. лицо региона определяется польско-русской конкуренцией в сфере высоких коммуникативных функций. Анализ имеющихся документов и памятников с территории Правобережья показывает, что конкуренция польского и русского языков происходит в официальной сфере и – ограниченно – в сфере образования, причем преимущественно в письменной коммуникации, и противостоит польско-украинскому (устному) билингвизму в неформальном общении.

Особый интерес представляет литературный билингвизм, поскольку именно литературное творчество оказалось той сферой, в рамках которой происходила первоначальная коммуникативная эмансипация украинского языка и формирование нового стандарта. Билингвизм как культурный феномен является одной из характерных черт украинского литературного процесса в первой половине XIX в.; отмечен он и в ряде других регионов Славии, в частности, в бывших славянских провинциях Австро-Венгрии, в том числе в Чехии, в Словении ([Рыжова 1981]), в балканских странах ([Станишич 1981]). На Левобережной Украине это явление принимает формы русско-украинского билингвизма с ролевым распределением языков в зависимости от темы, жанра и стиля и служит одним из средств дифференциации культурного дискурса по уровням: высокий – низкий, прозаический – поэтический, патетический – иронический ([Грабович 1998: 205–215]). На Правобережье и в Галиции в аналогичный период важнейшим фактом культурной жизни становится польско-украинский билингвизм.

В зависимости от характера отношения языков в литературном творчестве можно выделить следующие модели литературного русско-украинского и польско-украинского билингвизма: 1) рус-

ский или польский язык выступает как основной, но в нем присутствуют отдельные украинские вкрапления – лексические, фразеологические, фольклорные – для создания локального колорита. Так, творчество Н. В. Гоголя является одним из ярких примеров русско-украинского билингвизма данного типа; поэтическое творчество Б. Ю. Залеского, А. Мальчевского и др. представителей «украинской школы» в польской литературе – польско-украинского (ср. также исторические повести М. Чайковского, активно вводящего в текст украинские песни в польском переводе, а в комментариях помещающего оригинальный текст и толкование использованных в произведении украинских слов и выражений); 2) русский или польский язык выполняет роль своеобразной семиотической рамки, обрамляющей основной украинский текст (И. Котляревский, А. Метлинский дают примеры русско-украинского билингвизма такого типа; Т. Падура – польско-украинского); 3) параллельное сосуществование украинской и иной формы языкового выражения с условием распределения их по жанрам и темам (Е. Гребенка как автор русско- и украиноязычных произведений; Т. Падура как создатель польской и украинской поэзии) – своеобразное воплощение литературной практики ситуативного билингвизма с тенденцией к выравниванию статусов языков.

В этой связи особое значение приобретает факт параллельного использования украинского и польского языков без дополнительной стилистической нагрузки в рамках одного произведения, как, например, в стихотворении одного из двуязычных правобережных авторов, Т. Падуры, «*Romanowi Sanguszce na Nowy rok 1828*» (украинский текст также записан латиницей): «*Schodyt sonce w tychim rańci, / Rozśmijaw sia nowyj świt; / Rańsze twoho sercia brańci / Życzat tobi mnohych lit. / Wspomnieć sobie serce boli, / Jaka była przeszłość, jaka!.. / A chcąc cieszyć się w niewoli, / Zaśpiewajmy krakowiaka*»¹. Таким образом, в значительной мере снимается противоречие польского и украинского языков как разноуровневых форм выражения в литературном творчестве. Примеры своеобразного выравнивания коммуникативных статусов украинского и польского языков обнаруживаются в целом ряде литературных произведений, появившихся в период 1848–1850 гг. в связи с политическими и языковыми дебатами в Галицийском сейме во Львове, например, в

¹ См.: Pyśma Tymka Padurry. Wydanie posmertne z awtohrafiw. Lwiw, 1874. S. 217–218.

политических памфлетах К. Ценглевича. Данная тенденция поддерживалась постепенным введением в Галиции «русской мовы» (формы литературного языка, базирующейся на старой письменной традиции, но не без влияния народно-разговорной речи) в сферу высших коммуникативных функций. Наличие в Малороссии принципиально иной системы отношения языков, тенденция к выдвиганию русского языка в центр коммуникации и закрепление за украинским языком подчиненной роли «наречия» (в том числе вследствие запретительного Валуевского циркуляра 1863 г. и Эмского указа 1875 г.) исключали саму возможность появления подобных двуязычных сочинений с параллельным текстом на русском и украинском языках.

Сохранение ситуации полилингвизма на всей территории Украины в течение XIX и даже XX в. неизбежно приводило к осознанному и неосознанному пополнению украинского литературного языка за счет элементов других языков, имевших в данный момент более высокий коммуникативный статус. В силу этого одной из важнейших характеристик литературной нормы на Украине является отношение кодификаторов к иноязычным элементам, которое, в свою очередь, во многом было реакцией на языковую политику в том или ином регионе в конкретный период времени. Фактическое формирование в рамках литературного стандарта двойственной нормы (западной и восточной) обусловлено как разницей преобладающего источника заимствований (польский язык в Галиции и на Правобережье – русский в Малороссии), так и способом их восприятия и остротой осознания их «чуждого» характера на разных этапах развития языка.

На начальном этапе формирования нового украинского литературного стандарта он был фактически открыт для проникновения иноязычных элементов ([Wexler 1974]), впрочем, нестабильность нормы способствовала столь же активному введению в литературный язык регионализмов и коллоквиализмов. Либеральность формирующейся нормы способствовала пополнению сферы абстрактной и специальной лексики довольно большим количеством полонизмов и русизмов соответственно в Галиции и на Левобережье; Правобережье в этом отношении долгое время также тяготело к западноукраинским землям. Многочисленные примеры русизмов находим в произведениях большинства малороссийских писателей, в том числе И. Котляревского (*питейний, захищати, уроди*), Т. Шевченко (*розрішеніє, приказаніє, одпуск*) и др. ([Русанівський 1998]). С другой стороны, в текстах западноукраинского происхо-

ждения обнаруживается большой пласт полонизмов: *барателя* (ср. *bagatela* 'ерунда, мелочь'), *влостьян* (ср. *włościanin* 'крестьянин'), *гранатовий* (ср. *granatowy* 'темно-синий'), *длубати* (ср. *dlubać* 'ковырять'), *давиту* (ср. *dławić* 'давить'), *докладный* (ср. *dokładny* 'полный, совершенный, точный'), *жовнірь* (ср. *żołnierz* 'солдат') ([Головацкий 1982]); *мална* (ср. *małpa* 'обезьяна'), *насмарую* (ср. *smarować* 'мазать'), *балює* (ср. *balować* 'кутить') (примеры из произведений И. Франко). Тот факт, что многие из перечисленных заимствований, как из русского, так и из польского языков, носили окказиональный характер, не отменяет важного значения, которое сыграла иноязычная по происхождению лексика в формировании собственно украинской абстрактной и специальной терминологии. Особенно значительной оказалась в этом отношении роль польского языка в силу установления в коммуникативном пространстве Галиции отношений между языками, близких к равноправным, и приближения польско-украинского билингвизма к двуязычию функционального типа, не предполагающего смены кода. Другой причиной существования довольно большого пласта полонизмов в языке публицистики и документов являлось то, что именно Галиция в конце XIX в. стала центром формирования этих стилей в украинском литературном стандарте, поскольку в Российской империи «малороссийское наречие» было фактически исключено из сферы высших коммуникативных функций.

Вопрос о правомерности и целесообразности активного использования иноязычных слов в украинском литературном стандарте впервые стал предметом оживленной дискуссии в 1890-е гг. в связи с обсуждением в среде украинской интеллигенции вопроса о диалектной базе создаваемого литературного украинского языка, развернувшимся после резкого выступления Б. Гринченко против «галицких поэтов» ([Шевельов 1998: 19]). Признание справедливыми обвинений в чрезмерной «полонизации» речи обусловило готовность западноукраинских деятелей к компромиссу. Результатом дискуссии стала согласованная позиция относительно необходимости выработки единой литературной нормы с опорой на центральноукраинские говоры и язык левобережных писателей (Т. Шевченко, М. Вовчок и др.). Другое дело, что до конца эти декларации так никогда и не были реализованы, как не произошло и полного «очищения» литературного языка от полонизмов.

Усилия по созданию единой литературной нормы для всех украинских земель активизировались в 1920-е гг. – период официальной политики «украинизации» в Советской Украине, в рамках которо-

го, пожалуй, впервые в истории украинского литературного языка была предпринята попытка последовательной реализации принципа пуризма. В лингвистической полемике одинаково неприемлемыми становятся любые заимствованные слова, по отношению к которым употребляются эпитеты типа «прикрый полонізм», «препоганій москалізм», «гидкий макаронізм» (цитаты из [Струганець 2002: 63]). Крайняя позиция сторонников этнографизма, выдвигавших требование заменить все иноязычные элементы исконными по происхождению словами, уравновешивалась деятельностью приверженцев синтетизма (умеренного пуризма), предлагавших создавать новые термины лишь в том случае, если они ранее отсутствовали в языке ([Шевельов 1998: 110]). Но так или иначе в терминотворчестве 1920-х гг. именно пуризм становится ведущим принципом создания новых лексических единиц. Результатом деятельности Терминологической комиссии при Институте украинского языка Всеукраинской академии наук (ВУАН) стало издание около 30 терминологических словарей, воплотивших пуристскую тенденцию. Так, вместо слова *маятник* предлагался термин *хитун*, вместо *буфер – відпружник*, вместо *фільтр – цідило*, вместо *парасоля – розчепірка* ‘зонтик’ ([Курс ІУЛМ 1961, II: 21]). Лишь некоторые из предложенных нормализаторами 1920-х гг. терминов стали интегральной частью украинской терминосистемы (*двигун* ‘двигатель’, *вимикач* ‘выключатель’). Для нас же интересно то, что именно в это время впервые появляются предложения по замене русских по своему происхождению терминов или заимствованных при посредстве русского языка – полонизмами, утратившими свою связь с иноязычной средой и воспринимаемыми (по крайней мере в сознании галицких ученых) как исконные слова, что хорошо показывает дискуссия по поводу слов *завод* и *виробня*. Показательно, что корень, встречающийся в отвергнутом восточнукраинскими нормализаторами слове *виробня* (именно из-за наличия аналогичного польского *wyrób, wyrobić*), тем не менее стал основой для целого словообразовательного гнезда: *виробити, виробничий, виробничник, виробництво* и т. п.

Последовавший в 1930-е гг. отказ от политики украинизации и постепенное ограничение функций украинского языка в сфере «высокой» коммуникации сопровождалось переосмыслением принципа пуризма в нормализаторской деятельности на Советской Украине как направленного исключительно против влияния польского языка; усиленное проникновение русизмов в структуру украинского литературного языка только приветствовалось. Так, в сфере терми-

нологии использовалось как прямое заимствование (*воєнний, насічка, заклепка, приписка*), так и калькирование (*сотрудник – співробітник, радиовещание – радіомовлення, телевидение – телебачення, первоочередной – першочерговий, колхоз – колгосп*). Открыто провозглашались принципы перевода, согласно которым «при существовании в украинском языке синонимичных слов, как например *процент* и *відсоток*, *поступ* и *прогрес*, *визиск* и *експлуатація* эти понятия передаются языковыми формами, общими для русского и украинского языков»² [Курс ІУЛМ 1961, II: 395]. После присоединения к СССР Западной Украины такие принципы нормализаторской деятельности были распространены и на данную территорию. Тем не менее наличие большого числа полонизмов и сегодня составляет одну из отличительных черт западноукраинской речи, что выявляется при ее сопоставлении с языком Восточной Украины. Примечательно, что своеобразная конкуренция полонизмов и русизмов осуществляется, в частности, в сфере бытовой лексики, являясь источником вариативности: *морелі / абрикоси, порічки / червона смородина, цитрина / лимон, цинамон / кориця, пивниця / підвал, колежанка / подруга, товаришка, мурин / негр, обцас / каблук, канапа / диван, слоїк / банка, корок / пробка, листівка / відкритка, пігулка / таблетка, зимно / холодно, фахівець / професіонал, креденс / буфет* и др. Характерно, что со временем оппозиция разных по своему происхождению заимствований была переосмыслена в языковом сознании и приобрела формы противопоставления западноукраинских форм восточноукраинским.

Для современного (после 1989 г.) этапа развития украинской литературной нормы вновь характерно очевидное усиление тенденции к пуризму. В стремлении нивелировать влияние русификаторской политики, проводившейся в СССР, производится сознательная или неосознанная замена русизмов, присутствующих на разных уровнях в литературном стандарте, западноукраинскими формами. Многие из них по своему происхождению связаны с польским языком, однако их связь с языком-источником не ощущается уже как живая, а сами они переосмыслены как исконно украинские лексемы. Так, в современных украинских СМИ в соответствии со стремлением устранять из литературного стандарта параллельные языковые средства, имеющие полные аналоги в русском языке ([Яворська 1999: 214]), предпочтение отдается западноукраинскому *гелікоптер* (ср. пол. *helikopter*) вместо кальки с русского *вер-*

² Перевод цитируемых украинских текстов сделан автором статьи.

толїт, потяг (ср. пол. *rosiag*) вместо *поїзд*, предложено введение термина *арсен* (ср. пол. *arsen*) вместо русизма *миш'як*. Стремление очистить украинский литературный стандарт от русизмов, внедренных в него за годы официального русско-украинского двуязычия, распространяется также на другие уровни языка и выражается в рекомендациях специалистов по культуре языка избегать, в частности, общих с русским языком конструкций с предлогом *по* (*завдання по...*, *доручення по...*, *комісія по...*) или действительных причастий настоящего времени типа *конкуруючий, вмираючий, воюючий, загрожуючий* ([Курс ІУЛМ, II: 397]). Своеобразная пуристская тенденция находит свое выражение и в предпочтительном употреблении лексемы, не совпадающей по форме с аналогичной русской формой, при наличии выбора в синонимической паре: так, предпочтение отдается слову *підвалини* вместо *устої*; *іспит* вместо *екзамен*; *доба* вместо *epoca*; *авто* вместо *машина*, при этом совершенно неважно, имеет ли предлагаемая лексема свое соответствие в польском языке, как в паре *гасло – лозунг* (ср. пол. *haslo*) и под. Исконно польское происхождение лексемы не является препятствием к ее актуализации в современном языке. Это относится, в частности, к давно усвоенным полонизмам, долгое время функционировавшим только в западноукраинском варианте литературного языка (*амбасадор* – ср. *ambasador* 'посол', *речник* – ср. *rzecznik* 'представитель', *часопис* – ср. *czasopismo* 'журнал', *чинник* – ср. *czynnik* 'фактор', *засада* – ср. *zasada* 'принцип', *обсервації* – ср. *obserwacje* 'наблюдения', *толеранція* – ср. *tolerancja*). Данное явление происходит в полном соответствии с наблюдаемой в современном украинском литературном языке тенденцией к своеобразной архаизации ([Яворська 1999: 208]) как частному проявлению пуризма (примером актуализации архаизма в современном языке может служить *свічадо* – синоним *дзеркало*). Польский язык, в отличие от русского, является также источником новейших заимствований типа *гуртовня* 'оптовый склад', *пралка* 'стиральная машина', *друкарка* (ср. *принтер*), хотя соперничество русизмов и полонизмов ощущается и в этой сфере, ср., например, синонимичные наименования символа в адресе электронной почты: *собачка / лавна*. Русский язык сохраняет свое значение и как язык-посредник при заимствовании из других европейских языков, что видно на примере слова *хакер* (по возобновленным правилам оформления иноязычных слов *h* должно передаваться в украинском языке как *г*, ср. написание фамилий типа *Гайдертер*).

Представленные в настоящей статье наблюдения над динамикой языковой нормы в украинском литературном языке в связи с данными социолингвистики ни в коей мере не исчерпывают данной проблематики. Дальнейшего исследования требует и характер связи между столь важным для украинского коммуникативного пространства явлением многоязычия и гетерогенностью форм литературно-книжного языка, а также тенденциями в кодификаторской деятельности в ходе формирования современного литературного стандарта.

Л и т е р а т у р а

- Fishman 1968 – *Fishman J. A. Sociolinguistics and the Language Problems of Developing Countries // Language Problems of Developing Nations. New York, 1968. S. 3–17.*
- Zabrocki 1963 – *Zabrocki L. Wspólnoty komunikatywne w genezie i rozwoju języka niemieckiego. Wrocław, 1963.*
- Wexler 1974 – *Wexler P. N. Purism and Language: a Study in Modern Ukrainian and Belorussian Nationalism (1840–1967). Bloomington, 1974.*
- Головацький 1982 – Словник української мови Я. Ф. Головацького. Історія культури – першоджерела. Науковий збірник Музею української культури у Свиднику № 10. Пряшів, 1982.
- Грабович 1998 – *Грабович Г. Українсько-російські літературні взаємини в ХІХ ст.: постановка проблеми // Грабович Г. До історії української літератури. Київ, 1998.*
- Гудков 1999 – *Гудков В. П. О феномене литературного языка в свете истории литературного языка у сербов // Гудков В. П. Славистика. Сербистика: Сб. статей. М., 1999. С. 73–84.*
- Курс ІУЛІМ 1961 – Курс історії української літературної мови. Т. II. Київ, 1961.
- Русанівський 2001 – *Русанівський В. М. Історія української літературної мови. Київ, 2001.*
- Рыжова 1981 – *Рыжова М. И. Немецкие стихи словенских поэтов в контексте развития национальной литературы (XIX в.) // Многоязычие и литературное творчество. Л., 1981. С. 240–288.*
- Станишич 1981 – *Станишич Й. К проблеме двуязычия и многоязычия в литературе южных славян (из истории литератур Сербии, Хорватии, Черногории) // Многоязычие и литературное творчество. Л., 1981. С. 149–239.*
- Струганець 2002 – *Струганець Л. Динаміка лексичних норм української літературної мови ХХ століття. Тернопіль, 2002.*
- Шевельов 1998 – *Шевельов Ю. Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900–1941). Стан і статус. Чернівці, 1998.*
- Яворська 1999 – *Яворська Г. Генеза сучасних проблем нормалізації та кодифікації // Українська мова. Сер. Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Opole, 1999. S. 201–220.*